

**Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Иркутский государственный лингвистический университет»**

САМОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Книга для чтения на английском языке

Перевод Юрия Леонидовича Кулишенко

Иркутск
2013

УДК 811.111

ББК 81.432.1-923-3

С 17

Печатается по решению редакционно-издательского совета Иркутского государственного лингвистического университета

САМОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: Книга для чтения на английском языке [Текст] / перевод Ю.Л. Кулишенко; консультанты А.М. Каплуненко, О. В. Леухин В.В. Сливинский, И.П. Яцык. – Иркутск : ИГЛУ, 2013. –84 с.

В книге для чтения как на английском, так и на русском языках, представлены ранние детективные новеллы известных американских авторов (Э.Д.Хок, Д. Чандлер и Ш. Армстронг)

Предназначено для студентов направления подготовки 031202.65 Перевод и переводоведение, а также для широкого круга читателей.

УДК 811.111

ББК 81.432.1-923-3

© Просвещение, 1980

© Кулишенко Ю.Л., 2013

© Иркутский государственный лингвистический университет, 2013

Эдвард Д. Хок

Самое невероятное преступление

Я не детектив. По правде сказать, большую часть всего этого времени я был похож на снежного человека, пробирающегося среди огромных сугробов при 70 - мильном ветре, что девять месяцев в году досаждают вам за линией вечной мерзлоты в бесплодных просторах северной Канады.

Но если вы живёте только вдвоём со своим напарником в двухстах милях от ближайшего поселения и однажды находите его убитым – этого вполне достаточно, чтобы стать детективом, за полным отсутствием здесь кого-либо другого.

Его звали Чарльз Фала, а меня Генри Бофорт. Когда я, изучая курс усовершенствованной геологии, повстречался с ним, Чарли был уже полным профессором Бостонского университета и работал над серьёзной книгой о влиянии вечной мерзлоты на подземные запасы минерального сырья.

Я работал в его отделе ассистентом, и мы с ним вдруг сразу подружились – этому способствовала, вероятно, моя недавняя женитьба на блистательной блондинке по имени Грейс, которая сразу же привлекла внимание Чарли.

Его собственная жена развелась с ним десятью годами раньше и исчезла в глуши Южной Калифорнии.

Мы постоянно обедали втроем, и наша близкая дружба развивалась в довольно предсказуемом направлении.

В это время Чарли было уже за сорок, и он был старше нас с Грейс лет на десять. Весь период той нашей дружбы он постоянно заговаривал об одном и том же проекте, который стал его мечтой.

“Прежде чем я состарюсь для таких дел, мне хочется провести годик за линией вечной мерзлоты”.

Такая возможность подвернулась ему раньше, чем мы смогли бы даже предположить, и в один прекрасный день он заявил, что проведёт свой годовой творческий отпуск в научно-исследовательской станции на западном побережье залива Гудзон.

“Я получил грант фонда на восемь месяцев научных исследований”, – сказал он, – “а это большая удача. Другой такой уже не будет”.

“Вы собираетесь отправиться туда в одиночку?” – поинтересовалась Грейс.

“Вообще-то я надеюсь убедить вашего мужа составить мне компанию”.

От неожиданности я моргнул и, вероятно, вид у меня был слегка испуганным: “Восемь месяцев в глуши, где нет ничего, кроме снега?”

Чарли улыбнулся: “Ничего, кроме снега. Как вы насчёт этого Грейс, смогли бы вы отпустить его на восемь месяцев?”

“Если он сам захочет!” – дипломатично ответила Грейс. Она старалась не стоять у меня на пути, когда я хотел что-либо предпринять.

Вечером мы долго обсуждали этот вопрос, но я уже знал, что попался на крючок. Я отправился с Чарли Фалла в Северную Канаду

Дом - когда мы прибыли туда сначала на самолёте, потом на судне, а затем на снегоходе - оказался на удивление благоустроенным местом, с запасом продуктов на целый год.

У нас была двусторонняя радиосвязь с внешним миром, все необходимые медикаменты и книжный шкаф, полный книг. Всё за счёт фонда, который финансировал наши работы в области мерзлотоведения.

Дом состоял из трёх больших комнат - лаборатории для исследований, гостиной со встроенной кухней и уютной спальни с выгороженной в углу ванной, где можно было вымыться и устроить стирку после утомительных маршрутов.

Мы занесли одежду, а Чарльз Фалла, ещё и ружьё, чтобы отгонять животных от мусорных куч.

В нашем доме были все удобства, и мы вселились в него на эту долгую зимовку.

Ежедневная рутинная работа с Чарли Фалла в первое время доставляла мне огромное удовольствие. Он, несомненно, был преданным своему делу человеком и одним из самых интеллигентных людей, каких я только знал.

Вставать нам приходилось рано утром. Мы вместе завтракали и отправлялись на поиски образцов руды, отыскивая места, где бесконечные северные ветра сметали всё на своём пути, оголяя скалы и выбирая участки земли, которые не были покрыты глубоким снегом.

Но, все же, самым большим удовольствием для меня в тот ранний период зимовки была постоянная радиосвязь с Грейс. Её сообщения практически каждую ночь вплотную приближали Бостон к Северо-Западной территории.

Но вот, по прошествии времени, сообщения истоцились до одного - двух раз в неделю и, наконец, окончательно сникли до одного радиосеанса в две недели.

Мы с Фалла начали действовать друг-другу на нервы, и меня по утрам часто стал будить выстрел из ружья. Это Чарли, стоя за дверью домика, беспорядочно палил по редким снежным совам и арктическим сусликам, бродившим поблизости.

Снегоход по-прежнему находился в нашем распоряжении, но двести миль до ближайшего поселения Каррибу делали ночное субботнее путешествие в город вне всякого обсуждения.

Однажды, во время ужина, ставшего уже рутинным, Фалла заявил: "Держу пари, что тебе не хватает её, а Хэнк?"

"Грейс? Да, конечно, мне не хватает её. Прошло уже столько времени".

"Думаешь, она одна сидит сейчас ночью дома и ожидает нас... тебя?"

Я опустил вилку: "О чём это ты, Чарли?"

"Ни о чём..., абсолютно ни о чём".

Но вечерний отдых был уже испорчен сгустившимся мраком.

К этому времени мы провели здесь вместе около пяти месяцев, и это был слишком уж долгий срок...

Наступило и прошло Рождество, а зимний ветер всё также выл за окном с утра до ночи.

Фантастика, безумие, но здесь, за двести миль от ближайшего к нам живого человеческого существа начало разгораться между нами своего рода соперничество за право любить мою жену. Негласное, конечно, но всё же соперничество за женщину, которая находилась в двухстах милях от нас.

“Как ты думаешь, что она поделывает там сейчас, в данный моментик, а Хэнки?” – вопрошал он, или: “Мне хочется, чтобы Грейс побывала сегодня здесь вечером и слегка согрела это местечко! Право, хочется”.

И вот, наконец, однажды вечером в январе, когда особенно тяжёлый снегопад загнал нас на два долгих дня в дом, соперничество пришло к своей кульминации.

“Взгляни, сколько тепла уходит от нас – весь дом обвешан этими чертовыми сосульками!” – сказал я.

“Позже я выйду и собью их!” – раздражённо ответил Чарли.

Я заметил, что сегодня у него было особенно плохое настроение. Видимо, он в достаточной степени преуменьшил наши основательные запасы шотландского виски.

“Ты меня не понял”, – грустно продолжил я, - “Нам нужно лучше относиться друг к другу, ведь нам предстоит провести здесь вместе ещё не один месяц”.

“А, Хэнки, забеспокоился? Страстно захотелось в теплую постельку к своей несравненной благоухающей жёнушке?”

“Прекрати эти шуточки насчёт Грейс. Меня уже тошнит от них!”

“Это уж слишком!”, – он встал из-за стола и ушёл в лабораторию.

Минут через десять я тоже отправился туда и обнаружил, к своему удивлению, что Чарли стоит, тяжело опершись о шкаф и, молча, смотрит в пол.

“Оставь меня”, – тихо и невнятно пробормотал он.

“Тебя тошнит?”

“Да, Хэнки, тошнит. Тошнит и от этого места, и от тебя тоже!”

“В чём же дело? Давай вернемся обратно”.

“В такую бурю?”

“У нас вполне сносный снегоход”.

“Нет! У меня тут есть один проект, я не могу просто так уйти, отбросив его прочь, словно грязную тряпку!”

“Но почему и ради чего мы должны терпеть эту пытку?”

“Ты не понял меня, Хэнки!” – он повернулся ко мне, едва сдерживая эмоции. Как ни странно, но гнев на его лице вдруг сменился чем-то похожим почти на отчаяние.

“Я не был геологом раньше, я начинал свою карьеру, вполне удачную, в одной крупной фармацевтической компании. Ты же знаешь, как они платят!”

“Что же случилось, Чарли?”

Он покачнулся и прислонился к стене, чтобы не упасть.

“Это ужасно, Хэнки! Со мной случилась совершенно невероятная вещь. Я не смог работать с подопытными животными, представляешь? Я не смог ставить эксперименты над ними, не смог убивать их! Я, думаю, что не смогу убить ни одного живого существа на свете!”

“А как насчет тех животных и птиц, по которым ты палишь?”

“Ты попал в яблочко, Хэнки! Я стараюсь, я очень стараюсь попасть в них, но у меня ничего не получается! Я намеренно даю промах. Нарочно отвожу ружье в самый последний момент, чтобы промахнуться! Вот почему я ушёл в геологию – скалы, земля...

Только они не опасны для меня, это единственное поле деятельности, где я не выставлял бы себя идиотом.

“Ты не выставил бы себя идиотом, Чарли, даже если бы мы заявили, что завершили работу и сегодня же вернулись обратно. Университет по-прежнему пригласил бы тебя, и ты по-прежнему занял бы своё профессорское место”.

“А я ведь кое в чем уже преуспел”, – Фалла вдруг быстро пригладил нервным жестом свои растрепавшиеся волосы. - “Ты так ничего и не понял, Хэнки? У меня уже нет времени на ещё один провал: будет слишком поздно начинать всё сначала!”

В тот день Чарли Фалла больше ничего не говорил о моей жене, но у меня вдруг возникло нехорошее ощущение, что, говоря о своём успехе, Чарли, конечно же, имел в виду не работу. Его первый брак тоже мог быть провалом.

Не хотел ли Чарли Фалла в порыве пьяной откровенности намекнуть мне, что уже кое в чём преуспел в отношениях с Грейс?

Я плохо спал этой ночью. К тому же, сначала Чарли далеко за полночь принялся ходить вокруг дома и сокрушать сосульки, а когда он утомился, ветер вдруг изменил направление и, словно предвещавшее смерть

приведение-плакальщица, стал извлекать из нашего дымохода вопли и стоны.

Я, услышав, что Чарли улёгся в кровать, встал, чтобы выглянуть наружу, но стекло было матовым из-за нанесённого ветром снега. Я ничего не смог бы увидеть сквозь окно: все оконные стёкла были густо покрыты непроницаемой изморозью.

Ближе к утру я плыл в каком-то тяжёлом, беспокойном полусне, полудремоте, пока редкие трели песенки птички окончательно не разбудили меня, сообщив, что буран закончился.

Теперь, наверное, будет славно, возможно, даже солнечно, хотя сильные морозы могут простоять, пожалуй, ещё несколько дней.

Чарли к этому времени уже встал, и было слышно, как он ходит туда-сюда по комнате, приготавливая завтрак, но я почти не обращал на него внимания, стараясь поспать ещё хоть немного.

Неожиданно за одной из стен дома со звоном упала сосулька, но я и на неё не обратил внимания, уже погружённый в дремоту.

Спустя некоторое время, я вдруг напрягся, осознав, что услышал его. Выстрел!

Может быть, Чарли вышел и снова стреляет по животным? Но все стихло, слышался только шум вскипевшего на газовой плите кофе. Делать было нечего, и мне поневоле пришлось встать и выйти в соседнюю комнату.

Чарльз Фалла каким-то образом оказался сидящим на моём стуле напротив окна за пустым, не накрытым сто-

лом, уставившись в стену. Тоненькая алая струйка крови сбегала вниз по его лбу. Он был мёртв.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать сам факт его смерти, и даже когда я увидел явное пулевое отверстие выше линии его волос, я всё ещё не мог заставить себя полностью поверить в реальность его смерти. Первой пришла мысль о самоубийстве.

Но, вот сейчас, после того как мой взгляд прошелся по полу и столу, я убедился, что совершить его было невозможно. То, что он был мгновенно убит пулей – очевидно, но никакого оружия поблизости не было.

Я осмотрел каждый дюйм комнаты и даже взглянул на потолок. Нигде никакого оружия не было – это факт. Даже ружьё Чарли исчезло со своего обычного места в углу у двери.

Но если это не самоубийство, то что?

Другого объяснения тоже не было! Но, так или иначе, а убил он себя сам.

Я разогрел передатчик и сообщил о случившемся, сказав, что, пожалуй, привезу тело на снегоходе, сразу же, как только позволят мне обстоятельства. Наша авантюра в краю за линией вечной мерзлоты закончилась.

Но когда я укладывал свои вещи, я вдруг вспомнил о кофе. В какой-то из моментов моих поисков я выключил кухонную плиту и даже отхлебнул немного кофе, совершенно не думая о том, что я делаю. Но теперь...

Люди близкие к совершению самоубийства готовят завтраки? Ставят они кофейники на кухонные плиты?

И тогда я взглянул правде в лицо. Чарльз Фалла не убивал себя. Это – совершенно точно. Хотя это и кажется невозможным, но это так. Я сел у тела, затем встал и прикрыл его белой простынёй. Потом снова сел.

Что же это всё-таки? Самоубийство, несчастный случай или убийство – как всё просто. Не самоубийство, не несчастный случай. Он совершенно точно не чистил в это время своё ружьё.

Вероятным осталось только одно.

Убийство.

И только два варианта. Либо я, либо кто-то посторонний.

Я точно не убивал Чарли даже во сне. Я проснулся сразу же, как только услышал выстрел. И в это время был в кровати.

Я подошёл и присел на корточки позади его тела, пытаюсь понять, что он видел в тот последний момент.

И я увидел это. Прямо напротив меня, в центре матового, замёрзшего окна было отверстие, затянутое пушистыми клочками инея. Я не замечал его раньше, потому, что затейливые кристаллы, похожие на иней прекрасно замаскировали отверстие. Трещинки разбежались в разные стороны, но снег держал осколки стекла, не давая им выпасть.

Внезапное чувство радости охватило меня, я сделал открытие! Пуля пришла снаружи – тайна раскрыта!

Но, накинув пальто и выскочив наружу, я понял, что какая-то великая тайна окутала это место.

Хотя позёмка и оставила узкую дорожку под нависающей крышей дома, сугробы выше моей головы окружали нас со всех сторон. Даже снегоход был занесён.

Никто не смог бы подойти к дому по этому белому снегу, не оставив на нём следа.

Я прошел вдоль сосулк - некоторые из них были толщиной с мою руку - и остановился у пробитого окна. Снег слегка занёс дорожку под ним, но я сразу увидел приклад ружья Чарли, хорошо заметный среди его белизны.

Я вытащил ружьё из-под снега, и стал внимательно осматривать с надеждой, что это мне что-нибудь даст. Несомненно, из него недавно стреляли, и оно было орудием убийства. Но не более того.

Я отнес ружье в дом, поставил в углу и в раздумье сел на стул. Нас здесь, совершенно точно, было только двое и никого другого более. И кто-то убил Чарльза Фалла. Эти обстоятельства значительно сужали круг подозреваемых.

Миновал полдень, и низкое, предзакатное солнце появилось, наконец, на южном небосклоне.

Я знал, что вскоре мне придется покинуть это место. У меня не было никакого желания провести ночь в доме с телом Чарли, а дорога займет, пожалуй, весь остаток дня и добрую часть ночи.

Некоторое время я сидел и решал, вызвать ли мне заранее самолет с лыжами из Гудзонова залива, или отправиться в Карибу на нашем снегоходе.

Но мог ли я просто бежать отсюда тем или иным путем при сложившихся обстоятельствах? Чарльз убит, и мой долг добраться до истины и узнать, что здесь произошло.

Нервно меряя шагами комнату и озирая отсутствующим взглядом пустую лабораторию, я знал, что разгад-

ка где-то рядом, здесь, внутри деревянных стен нашего временного жилища.

Я стал вспоминать весь наш предыдущий разговор насчет Грейс. Он любил её – это точно! И он хотел, чтобы она принадлежала только ему. Я был в этом совершенно уверен.

А не решил ли он так обставить свое самоубийство, чтобы власти обвинили во всем меня?

Нет. Абсурд! Против этого предположения были два довода. Таким способом и Грейс не получишь, и меня под обвинение не подведешь!

Ведь я оставался здесь один и смог бы изменить все доказательства и улики так, как бы мне захотелось. Придумал бы какую-нибудь историю по моему усмотрению.

Были шансы, что у полиции и вовсе не возникнет желания отправляться в столь дальнее путешествие, чтобы проверить мою правдивость. Я сообщил по радио, что это самоубийство, но могу также сказать, что это был и несчастный случай.

И никто тогда не назовет смерть Чарли простым словом – убийство.

Никто, кроме меня.

Я оделся, вышел наружу, вернулся к окну и осмотрел снег в том месте, где нашёл ружье.

Ничего, одни осколки льда от разбитых сосулек. Тут и там виднелись лишь свежие следы Чарли, слегка занесённые снегом. Следы, оставленные им сегодня ночью во время сбивания сосулек. Ничьих других следов я не нашёл. Ну, если бы хоть кто-нибудь другой стоял здесь сегодня утром под окном...

Нет, никого другого здесь не было и быть не могло! Я со всё возраставшим удивлением смотрел на окно. Пышный снег и кристаллы льда сделали его совершенно непрозрачным, на что я обратил внимание ещё ночью. Даже если некий не оставляющий следов убийца-невидимка, свалившийся с застывшего на морозе неба, и вынес бы незаметно ружье из домика, он не смог бы выстрелить в Чарли Фалла через окно по той простой причине, что он не увидел бы его сквозь замёрзшее стекло!

Так где же ошибка в моих рассуждениях, где это “нечто”, ускользающее всё время от меня?

Я снова вернулся в дом, взял ружье, разрядил его и стал нажимать на спусковой крючок. Спуск у этого ружья был удивительно легким, прямо таки воздушным! Стоило пальцу чуть дрогнуть, как в ту же секунду слышался щелчок ударника о пустой казенник. Озарение витало где-то рядом, оно почти коснулось меня, еще чуть-чуть и...

Я быстро посмотрел на фигуру под белым покрывалом в кресле, затем вышел наружу и стал внимательно вглядываться сквозь пробитое пулей окно.

Линия выстрела от сугроба, где было найдено ружье, к моему стулу через пятно в окне просматривалась довольно четко, даже сквозь замерзшее стекло!

В следующее мгновение я уже знал, кто убил Чарльза Фалла.

Пяти минут мне хватило, чтобы среди разбитых осколков сосулечек под нашим окном найти нечто большее — небольшой кусочек льда в маленьком пластиковом пакете. Мы использовали такие пакетики разного

размера для хранения в лаборатории образцов скал. Но этот послужил совсем иной цели.

Чарли протер изнутри в изморози небольшое пятнышко в определённом месте, чтобы нацелить ствол ружья на кресло, где я должен буду сидеть за утренним кофе. Затем вышел, сбил и воткнул в снег подходящую толстую сосульку, - я услышал её звон! и сбалансировал на ней ружье, скорее всего, просто приморозив его небольшим количеством воды к сосулке. Тщательно зафиксировав нацеленное в направлении моего стула ружье, Чарли осторожно поместил между его скобой и спусковым крючком пластиковый мешочек с водой. Когда вода в пакетике замерзла и расширилась, лёд надавил на спусковой крючок, и ружьё выстрелило сквозь окно в направлении моего стула.

Сильная отдача сбросила ружьё с пьедестала, и пластиковый мешочек затерялся среди осколков сосул, не отличимый от них по цвету.

Но в чём же ошибка Фалла? Чарли, конечно, экспериментировал, просчитывая время замерзания воды в пластиковом пакетике. Но он, вероятно, не смог полностью учесть влияния переменной скорости ветра на время замерзания воды в пакетике при данной температуре. Скорость ветра возросла, вода замёрзла намного быстрее, чем он рассчитывал, и выстрел грянул в тот момент, когда он мнительно проверял, в тот последний момент своей жизни, правильность прицела, принимая все наиболее характерные мои позы в кресле перед окном.

Но зачем ему все эти сложности, если кроме нас двоих здесь никого не было? Я думал над этим всё то вре-

мя, пока ехал в Карибу в плавно покачивающемся на сугробах снегоходе. Его фара одиноким слабым конусом прорезала сплошную стену тьмы за окнами кабины...

Наверное, Чарли боялся, что всё произошло бы так же, как происходило до этого с теми животными, о которых он говорил. Он боялся, что в последний момент, уже почти коснувшись спускового крючка, снова дернет ружьё в сторону. И грянет выстрел!

Или он вообще не сможет нажать на спусковой крючок.

Возможно, в одну из таких ночей он уже стоял над моей кроватью с ружьём в руках, но преодолеть себя так и не смог. Холод прошёл по моей спине.

Способ же, который он придумал, был обезличен. Всё это походило на лабораторный эксперимент, за которым ты наблюдаешь со стороны

Итак, Чарльз Фалла, сам не желая того, всё же, был убит самим собой.

Но, и для властей, и для Грейс, я решил придерживаться версии обычного, простого самоубийства. Мне кажется, что полицию не будет беспокоить отсутствие пороховых ожогов. При сложившихся обстоятельствах они скорее согласятся принять мою версию, чем станут беспокоить себя своей.

Мне тоже хочется, чтобы всё в этой истории было просто и ясно. Я ведь уже говорил вам, что я не детектив.

Edward D. Hock

The Impossible “Impossible” Crime

I’m no detective. In fact, most of the time I’m more of a snow-man, plowing through head-high drifts and 70-mile winds that plague us nine months of the year in the barren area of northern Canada beyond the permafrost line. But when you are living all alone with one other man, 200 miles from the nearest settlement, and one day that only other man is murdered — well, that's enough to make a detective out of anybody.

His name was Charles Fuller, and my name is Henry Bowfort. Charlie was a full professor at Boston University when I met him, teaching an advanced course in geology while he worked on a highly technical volume concerning the effects of permafrost on subsurface mineral deposits. I was an assistant in his department, and we struck up a friendship at once, perhaps helped along by the fact that I was newly married to a sparkling blonde named Grace who caught his eye from the very beginning.

Charlie’s own wife had divorced him some ten years earlier and vanished into the wilderness of Southern California. The three of us dined together regularly, and a close friendship developed along fairly predictable lines.

Fuller was in the early forties at the time, a good ten years older than Grace and me, and for as long as we'd known him he'd talked often about the project closest to his heart. ”Before I’m too old for it,” he’d say, “I want to spend a year above the permafrost line.”

His opportunity came before any of us thought it would, and one day he announced he would be spending his sabbatical at a research post in northern Canada, near the western shore of Hudson Bay. “I’ve given a foundation grant for eight months’ study,” he said. “It’s a great opportunity. I’ll never have another like it.”

“You’re going up there alone?” Grace asked.

“Actually, I was hoping I could prevail on your husband to accompany me.”

I blinked and must have looked a bit startled. “Eight months in the wilds of nowhere with nothing but snow?”

And Charlie Fuller smiled. “Nothing but snow. How about it, Grace? Could you give him up for eight months?” “If he wants to go,” she answered loyally. She had never tried to stand in the way of anything I’d wanted to do.

We talked about it for a long time that night, but I already knew I was hooked. I was on my way to northern Canada with Charlie Fuller.

The cabin — when we reached it by plane and boat and snowmobile — was a surprisingly comfortable place, well stocked with enough provisions for a year’s stay. We had two-way radio contact with the outside world, plus necessary medical supplies and a bookcase full of reading material, all thoughtfully provided by the foundation that was financing the permafrost study.

The cabin consisted of three large rooms — a laboratory for our study, a combination living-room-and-kitchen, and a bedroom with a bath partitioned off in one corner. We’d brought our own clothes, and Fuller had brought a rifle, too, to discourage scavenging animals.

We had all the comforts of home, and we settled in for a long winter's stay.

The daily routine with Charlie Fuller was great fun at first. He was surely a dedicated man, and one of the most intelligent I'd ever known. We would rise early in the morning, breakfast together, and then go off in search of ore samples. We came to know the places where the endless winds chafed against bare rock, where the earth was shielded from the deep blanket of snow. And best of all in those early days, there was the constant radio communication with Grace. Her almost nightly messages brought a touch of Boston to the Northwest Territory.

But after a time Grace's messages thinned to one or two a week, and finally to one every other week. Fuller and I began to get on each other's nerves, and often in the mornings I'd be awakened by the sound of rifle fire as he stood outside the cabin door taking random shots at the occasional snowy owl or arctic ground squirrel that wandered near. We still had the snowmobile, but it was 200 miles to the nearest settlement at Caribou, making a Saturday night's trip into town out of the question.

Once, during the evening meal, which had grown monotonous with repetition. Fuller said, "Bet, you miss her, don't you, Hank?"

"Grace? Sure I miss her. It's been a long time."

"Think she's sitting home nights waiting for us — for you?"

I put down my fork. "What's that supposed to mean. Charlie?"

"Nothing — nothing at all".

But the rest of the evening passed under a cloud. By this time we had been up there nearly five months, and it was just too long.

Christmas came and went, and the winter wind howled outside from morning to night.

It was fantastic, it was unreasonable, but up there — 200 miles from the nearest human being — there began to develop between us a sort of rivalry for my wife. An unspoken rivalry, to be sure, a rivalry for a woman nearly 2,000 miles away — but still a rivalry.

“What do you think she's doing right now, Hank?”

Or — “I wish Grace were here tonight. Warm the place up a bit. Right.

Finally one evening in January, when a particularly heavy snow had chained us to the inside of the cabin for two long days and nights, the rivalry came to a head. Charlie Fuller was seated at the rough wooden table we used for meals and paperwork, and I was in my usual chair facing one of the windows.

“We're losing a lot of heat out of this place,” I commented. “Look at those damn icicles.”

“I'll go out later and knock them down” he said.

I could tell he was in a bad mood and suspected he'd been drinking from the adequate supply of Scotch we'd brought along.

“We might as well make the best each other“, - I saide, - “We are stuck here for another few months together”.

“Worried? Hank? Anxious to be back in bed with that luscious wife of yours?”

“Let's cut out the cracks about Grace, huh? I'm getting sick of it, Charlie”.

“That’s too bad!” .He left the table and went into the lab. After a moment I followed him in, and found, to my surprise, that he was slumped against a cabinet, staring at the floor. “Leave me alone,” he said.

“Are you sick?”

“Sick of this place, sick of you!”

“Then let's go back.”

“In this storm?”

“We've got the snowmobile.”

“No. No, this is one project. I can’t walk out on.”

“Why not? Is it worth this torture day after day?”

“You don’t understand. He turned to face me, just barely in control of his emotions. Oddly, though, the anger seemed to have passed from him, replaced by something very close to despair. "I didn't start out life being a geologist. My field was biology, and I had great plans for being a research scientist at some major pharmaceutical house. They pay very well, you know.”

“What happened?”

He leaned against the wall to steady himself. “The damnedest thing, Hank. I couldn’t work with animals. I couldn't experiment on them, kill them. I don't think I could ever kill a living thing.”

“What about the animals and birds you shoot at?”

“That’s just the point, Hank. I never hit them! I try to, but I purposely miss! That's why I went into geology — rocks, the earth. That was the only safe thing, the only field in which I wouldn’t make a fool of myself.”

“You couldn't make a fool of yourself, Charlie Even if we called it quits and went back today, the university would still welcome you. You'd still have your professorship.”

“I’ve got to succeed at something, Hank.” He ran a hand through his graying hair. “Don’t you understand? It’s too late for another failure — too late in life to start over again!”

He didn’t mention Grace the rest of that day, but I had the sinking sensation that he hadn’t just been talking about his work. His first marriage had been a failure, too. Was he trying to tell me he had to succeed with Grace?

I slept poorly that night, first because Charlie had decided to walk around the cabin at midnight knocking icicles from the roof, and then because the wind had changed direction and set up a banshee wail in the chimney. I got up once after Charlie was in bed, to look outside, but the windows were frosted over by the wind-driven snow. I could see nothing but the crystal formations of frost on every pane.

Toward morning I drifted into an uneasy sleep, broken now and then by the occasional bird sounds which told me the storm had ended. It would be pleasant, perhaps even sunny — though the bitter subzero cold might remain for days. I heard Charlie up and around, preparing breakfast, though I paid little attention, trying to get a bit more sleep. An icicle fell, clattering against the side of the cabin.

Then, sometime later, I sprang awake, knowing I had heard it. A shot! Could Charlie be outside again, firing at the animals? I stretched out in the bed, waiting for some other sound, but nothing reached my ears except the perking of the coffee pot on the gas stove. Finally I got out of bed and went into the other room.

Charlie Fuller was seated in my chair at the bare table, staring at the wall. A tiny stream of blood was running down his forehead and into one eye. He was dead.

It took me some moments to comprehend the mere fact of his death, and even after I'd located the bullet wound just above his hairline, I still could not bring myself to fully accept the reality of his death. My first thought had been suicide, but now that I had time to let my eyes search the floor and table, I could see this was impossible. The bullet had obviously killed him instantly, and there was no weapon anywhere in sight.

I covered every inch of the room, even looked at the ceiling. There was no gun anywhere — in fact. Fuller's rifle was missing from its usual place in the corner near the door.

But if not suicide, what?

There was no other explanation. Somehow he had killed himself. I warmed up the radio and sent a message to the effect, telling them I'd bring the body by snowmobile as soon as I could. Our venture into the country above the permafrost line was at an end.

Then, as I was starting to pack my things, I remembered the coffee. I'd turned off the stove sometime during my search, and even taken a sip of the coffee, all without giving it a thought. Do men about to commit suicide start making breakfast? Do they put a pot of coffee on the stove?

And then I had to face it. Charlie Fuller had not killed himself.

All right. It seemed utterly impossible — but there it was. I sat down opposite the body, then got up to cover it with a blanket, and then sat down again.

What were all the possibilities? Suicide, accident, murder — as simple as that. Not suicide. Not accident. He certainly hadn't been cleaning his gun at the time.

That left only one possibility.

Murder.

By myself or by an outsider — the only two possibilities.

Certainly, I hadn't killed Charlie, even in my sleep. I'd come to as soon as I heard the shot, and I'd still been in bed.

I walked over and crouched behind his chair, trying to see what he must have been seeing in that final moment.

And then I saw it. Directly opposite, in the center of a frosted window, there was a tiny hole with wisps of snow already drifting in. I hadn't noticed it before — the intricate crystal like designs of the frost had effectively camouflaged the hole. A few cracks ran from it, but the snow had somehow kept the window from shattering completely.

It was with a sudden sense of exhilaration that I made the discovery. The bullet had come from outside — the mystery was solved!

But as soon as I put on my coat and ventured outdoors, I realized that a greater mystery had taken its place. Though the drifting snow had left a narrow walkway under the overhanging roof of the cabin, drifts higher than my head surrounded us on all sides. Even the snowmobile was all but covered. No one could have approached the cabin through that snow, and certainly not without leaving a visible trail.

I made my way past fallen icicles, some as thick around as my arm, to the punctured window. The snow had drifted a bit beneath it, but I saw at once the butt of Fuller's rifle

protruding from the whiteness. I pulled it out and stared at it, wondering what it could tell me. It had been recently fired, it was the murder weapon, but there was nothing more it could say.

I took it back into the cabin and sat down. Just the two of us, no one else, and somebody had murdered Charlie Fuller. That narrowed down the suspects considerably.

As the day passed into noon, and the sun appeared finally, low in the southern sky, I knew I would have to be moving out soon. I did not relish another night in the cabin with Fuller's body, and the trip by snowmobile would easily take the remainder of the brief daylight hours and part of the night as well. For a time I debated making for Hudson Bay instead of Caribou, radioing ahead for a ski plane to pick us up. But could I go back, by any route or means, under the circumstances? Charlie Fuller was dead, and I had to discover how it had happened.

Pacing the cabin, gazing unseeing at the empty laboratory, I knew the answer must lurk here somewhere, within the wooden walls of our temporary home. I went back in my mind over our conversations about Grace. He had loved her, he had wanted her — of that much I was certain. Could he have committed suicide in such a manner that I would be accused of his murder?

No, there were two things against that theory — it wouldn't get him Grace, and it wouldn't get me convicted of the crime. Because even now I was all alone with the physical evidence. I could change the scene any way I wanted, invent any story I liked. Chances are, the police would never even make the trip to the cabin to check my story. I had already called it suicide in my radio report, but I could

change it to accident. And there was no one to call it murder.

No one but myself.

I went outside again and started sifting through the snow where I'd found the rifle. But there was nothing — a few bits of icicle, but nothing more. Here and there one of Fuller's footprints remained undrafted, from his icicle-breaking expedition, but I could identify no other prints. If someone had stood at that window to kill Charlie Fuller.

But no one could have! I stared at the window with growing wonder. The snow and crystallized frost had made it completely opaque, as I'd already noticed during the night. Even if an invisible murderer had dropped from the sky, and somehow got Charlie's rifle out of the cabin, he could not have fired at Charlie through that window because he could not have seen him through it!

So where did that leave me?

I went back inside to the rifle, emptied it, and tried the trigger. It had been adjusted to a hair trigger — the slightest pressure of my finger was enough to click the hammer on the empty chamber.

Suddenly I felt that I was on the verge of it, that I almost had the answer. I stood staring at the blanket-covered figure in the chair, then went outside and looked through the bullet hole at it again. Lined up perfectly, even through an opaque window.

And then I knew who had murdered Charlie Fuller.

I was staring at his body in the chair, but it was my chair! Twenty minutes, a half hour later, and I would have been sitting in that very chair, eating breakfast. Charlie would have called me when the coffee was ready, and I

would have come out to sit in that chair, as I did every morning.

And Charlie Fuller would have killed me.

It took me five minutes of excited sorting through the bits of icicle in the snow under the window to find the one that was something more. It was ice, all right, but ice encased in a tiny heat-sealed plastic pouch. We used pouches of all sizes in the lab for the rock specimens we collected. This one had served a different purpose.

Charlie had driven one of the icicles into the snow and balanced the rifle on the top of it — probably freezing it to the icicle with a few drops of water. Then he'd wiped away a tiny speck of frost on the window to line up the gun barrel with the chair in which I would be sitting. He'd fixed the rifle with a hair trigger, and then jammed the tiny plastic pouch of water between the front of the trigger and the guard.

When the water in the pouch froze, the ice expanded against the trigger, and the rifle fired through the window at the chair. The recoil had thrown the rifle free of its icicle support, and the frozen pouch of water had dropped into the snow like a simple piece of ice.

And what had gone wrong? Charlie Fuller must have timed the freezing of the water-filled pouch, but he probably hadn't timed it in subzero cold with a wind blowing. The water had simply frozen sooner than he'd planned — while he was sitting in my chair for a moment, adjusting it to the precise all-important position facing the window.

But why had he gone to all that trouble to kill me, when we were alone? I thought about that all the way back to Caribou in the snowmobile. He'd probably feared that it

would he like the animals he'd told me about, that at the final moment he wouldn't have been able to squeeze the trigger. Perhaps in the night he'd even stood over my bed with his rifle, unable to go through with it. This way had made it impersonal, like a lab experiment to be set up and observed.

So Charlie Fuller had murdered himself. But for the authorities, and for Grace I decided to stick to the suicide story. I didn't think they'd bother too much about things like the absence of powder burns. Under the circumstances, they were stuck with my story, and I wanted to keep it simple. As I said in the beginning, I'm no detective.

САМОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Книга для чтения на английском языке

ПЕРЕВОД

Юрия Леонидовича Кулишенко

Подписано в печать 11.06.2013. Формат 60x90/16.
Тираж 500 экз. Поз. плана д/п12. Усл. печ. 5,25. Заказ

Иркутский государственный лингвистический университет
664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8